

— На ощупь ничего, только костлявая она у тебя. Мяса бы побольше — и летом можно вместо обдува использовать, холодит прилично, — Лян Чэнь не выпускал ладонь парня из своей.

Цзянь И инстинктивно дернул рукой, освобождаясь. Он опустил голову и принялся нервно тереть ладони друг о друга, явно не собираясь поддерживать беседу.

— Ладно тебе, хватит натирать, — Лян Чэнь легонько шлепнул его по рукам. — Кожа и так прозрачная, еще немного — и кости наружу полезут. А я, между прочим, еще не обедал.

— Вы новенький? — наконец подал голос Цзянь И.

— Ага, сегодня первый день, — Лян Чэнь вздохнул и мельком взглянул на часы. Затем он осторожно коснулся левого запястья парня.

Цзянь И недоуменно вскинул голову. Лян Чэнь улыбнулся:

— Твои «часы» отстают минут на семь-восемь. Давай-ка подправлю, чтобы мы с тобой по одному времени жили.

Цзянь И слабо, едва заметно усмехнулся. Он взглянул на левое запястье, где до сих пор багровел отчетливый шрам, и тяжело вздохнул.

— Цзянь И, давай сделку провернем, — Лян Чэнь поудобнее вытянул ноги.

— Какую? — Цзянь И невольно проследил за его движением.

— Видишь ли... я тут прихвастнул доктору Чэню, что выманю тебя из палаты до обеда. Если проиграю — придется неделю кормить всё отделение за свой счет. А я только устроился, денег в обрез. Выручишь? Просто покажись им там, примелькайся. А взамен проси что хочешь. Любое желание исполню, если оно, конечно, не связано с лишением жизни. Идет?

Лян Чэнь склонил голову набок, наблюдая за его реакцией.

— Не связано с жизнью? — Цзянь И покачал головой. — Тогда желаний нет.

— Я тебя не тороплю, срок годности у этого обещания не ограничен. Подумай, потом скажешь. Хотя, признаться, мне жутко любопытно, что ты загадаешь, — Лян Чэнь усмехнулся.

Цзянь И искоса взглянул на него:

— Вы что, мазохист?

— Ради твоего согласия — хоть мазохист, хоть папа римский. Ну так что? — Лян Чэнь снова сверился с часами. — Три минуты осталось.

Цзянь И поджал губы. Почему-то после этих слов отказывать расхотелось. В голове не было ни одной идеи для просьбы, но обещание Лян Чэня манило, как запретный плод. Поколебавшись мгновение, он тихо бросил:

— Пошли.

Встав, он направился к выходу, но внезапно замер и обернулся.

— Ой, напугал, — Лян Чэнь отшатнулся на шаг. — Что такое?

— Как вас зовут?

—... Лян Чэнь.

Цзянь И кивнул.

— Простите, доктор Лян. У меня с памятью не очень.

— Пустяки. Главное — помни то, что действительно хочешь помнить, — Лян Чэнь ободряюще похлопал его по спине. — Поторопимся, а то сделка сорвется.

Как только они вышли в общую зону, к ним подскочил Да Нин. Он всунул в руку Цзянь И последнюю оставшуюся у него палочку из боярышника и серьезно объявил:

— Твоя сигарета.

Цзянь И невозмутимо развернул лакомство, зажал в зубах и щелкнул воображаемой зажигалкой. Глубоко «затянувшись», он выпустил невидимый дым в лицо Да Нину.

— Хороший табак, — удовлетворенно кивнул Цзянь И.

Лян Чэнь, смеясь, похлопал его по плечу и пошел по своим делам.

На обед давали пельмени и кашу. Да Нин расправлялся с едой своим обычным варварским способом — потрошил пельмени, как баоцзы, так что через минуту его тарелка напоминала поле боя. Цзянь И поморщился и принялся лениво помешивать кашу. Успев проглотить лишь пару ложек, он вздрогнул: парень слева внезапно зашелся в истерическом плаче. Цзянь И едва не выплеснул кашу на соседа. Санитары среагировали мгновенно и увели рыдающего, но

аппетит пропал окончательно. Раздраженно бросив ложку на стол, он откинулся на спинку стула.

Да Нин молча взял его ложку, тщательно вытер салфеткой и положил обратно в миску.

Цзянь И улыбнулся и, привалившись к столу, прошептал:

— Да Нин, ты прямо как заботливая женушка.

Тот довольно хихикнул и тоже лег грудью на стол.

— Тогда в следующей жизни выходи за меня. Будешь моей женушкой.

— Не пойду, — отрезал Цзянь И, выпрямляясь.

— Почему? — Да Нин заметно расстроился.

— Просто не пойду, — Цзянь И снова взялся за ложку. — Я в следующей жизни вообще человеком быть не хочу.

— Не человеком? — Да Нин задумался. — Тогда давай зверями. Львами или тиграми.

— Да нет, ты не понял. Я имею в виду — вообще не хочу быть ничем мыслящим или живым. Слишком это утомительно. — Цзянь И покачал головой. — Знаешь что... давай станем парой кирпичей. Куда стройка пошлет, туда нас и положат. А если однажды расколемся, станем ненужными — пускай выбрасывают. Переплавят, перетрут — и снова в дело. Снова будем новенькими кирпичами.

— О, это здорово! — Да Нин расплылся в улыбке. — Кирпичом быть хорошо. Им можно кому-нибудь по башке заехать!

В это время в ординаторской Ван Юнбо, наблюдая за ними через окно, пробормотал себе под нос:

— О чем это Цзянь И с Да Нином толкуют? Смеются так, будто анекдоты травят.

Лян Чэнь заглянул ему через плечо. Цзянь И как раз в шутку замахнулся ложкой на голову Да Нина. Лян Чэнь усмехнулся, покачал головой и, бросив короткое «я в туалет», вышел. В лестничном пролете он сначала позвонил матери, а затем настроил сообщение Пэй Сяну в WeChat:

«Вечером ужинаем вместе. Заедь за мной в больницу в полседьмого».

Едва сообщение ушло, телефон звякнул входящим. Запрос в друзья. И приписка из одного слова: «Кэ-кэ».

— Кэ-кэ? — Лян Чэнь холодно усмехнулся и, спрятав телефон, вернулся в кабинет.

Пока пациенты спали, Лян Чэнь углубился в истории болезней. Папка была пухлой, и уже на середине у него потяжелела голова. И дело было не в количестве диагнозов, а в том, какая бездна человеческого горя скрывалась за каждой строчкой. Психика ломается по-разному: у кого-то это «подарок» от предков, у кого-то — плод воспитания. В первом случае легко найти причину, но трудно искоренить болезнь. Во втором — корень зла на виду, но тянется он из сплетения сотен мелких обид. Лян Чэнь отбросил папку и устало потер виски.

— Утомились, доктор Лян? — Ван Юнбо ободряюще сжал его плечо. — Вы пообедали? Если нет, бегите скорее. Столовая налево от выхода из корпуса.

— Да ничего, аппетит уже перегорел. Пациенты поели?

— Да, все в порядке. Если не хотите выходить, у меня тут печенье есть, перекусите. Работа у нас, сами знаете, энергозатратная.

— Понимаю, — кивнул Лян Чэнь. — Скоро подъем?

— С минуты на минуту, — Ван Юнбо глянул на часы. — В два часа подъем, обход, замеры температуры. Потом два часа свободного времени. С четырех до шести — психотерапия. А там и дневная смена заканчивается. Только Чэнь Сяо сегодня не повезло, он в ночь остается.

Лян Чэнь задумчиво кивнул.

— Слушайте, со следующей недели впишите и меня в ночные дежурства. Дел у меня особо нет, а так хоть ребятам полегче будет, отдохнете лишний раз.

— Договорились, передам Чэнь Сяо.

— Вот и славно, спасибо.

Лян Чэнь снова потянулся к историям болезней. Перевернул страницу и наткнулся на досье Цзянь И. Он подпер лоб рукой и начал внимательно вчитываться.

На снимке Цзянь И выглядел моложе, чем сейчас — видимо, фото сделали сразу после

поступления. Волосы подлиннее, щеки поплотнее, но взгляд... совершенно безжизненный.

Лян Чэнь цокнул языком и перелистнул страницу. Описание анамнеза было пугающе подробным. Средняя школа: развод родителей из-за измены. В битве за алименты отец и мать использовали ребенка как дубинку, чтобы бить друг друга побольнее. В итоге суд оставил парня с матерью, обязав отца платить до совершеннолетия. Но стоило штампам в паспортах подсохнуть, как оба создали новые семьи. Отец тянул с деньгами, а мать, поняв, что на сыне больше не заработаешь, просто вычеркнула его из жизни. Использовали и выбросили — Цзянь И остался ни с чем.

Первый срыв: попытка вскрыть вены в школьной раздевалке. После реанимации — протрация, галлюцинации, отказ от еды. Мать привезла его в Пекин, сдала в больницу, но через три месяца отказалась платить и забрала домой. Второй срыв не заставил себя ждать. На этот раз привез отец. Сценарий повторился: несколько месяцев оплаты и возвращение в провинцию «за ненужностью». Без должного лечения и надзора Цзянь И попытался уйти из жизни во второй раз. Когда его снова вытащили с того света, родители, посоветовавшись, спланировали его обратный вывоз в клинику. Теперь они по очереди, раз в три месяца, перечисляют деньги за содержание, но никто из них ни разу его не навещал.

Лян Чэнь тяжело вздохнул. Взгляд зацепился за графу «Увлечения». Там значилось всего одно слово: «Резьба».

— Резьба... — Лян Чэнь задумчиво побарабанил пальцами по странице.

Послеобеденная психологическая разгрузка проходила индивидуально. Чэнь Сяо ушел отдыхать перед ночью, и Лян Чэнь вызвался помочь. Поскольку вникать во все дела сразу было сложно, он выбрал того, с кем уже успел установить хоть какой-то контакт. А для Цзянь И, ведь с ним уже был короткий контакт, Лян Чэнь посоветовался с другими врачами, и отвел его в кабинет психологической помощи №4.

— Цзянь И, о чем это вы так весело шептались с Да Нином за обедом? — Лян Чэнь жестом пригласил парня сесть.

— Ни о чем, — тот опустил голову на стул напротив. — Секрет.

— Знаешь, — улыбнулся Лян Чэнь, — а тебе идет улыбка. Было бы в лице побольше жизни — вообще бы загляденье.

Он отложил историю болезни на стол позади себя.

— У вас есть зеркало? Хочу посмотреть, на кого я стал похож, — Цзянь И коснулся своей впалой щеки.

— Я же не девица, чтобы зеркальца в карманах носить. — Лян Чэнь пристально посмотрел на него. — Не переживай, внешность у тебя на высоте. Немного веса набрать — и можно в люди выходить.

— Да плевать. Мне и в облике призрака неплохо, всё равно меня видеть никто не хочет. — Цзянь И уставился на свои ботинки.

— Цзянь И, подними голову. — Лян Чэнь подался вперед, уперев локти в колени. — Давай договоримся: когда мы разговариваем, ты смотришь мне в глаза. Ладно?

Цзянь И вскинул взгляд.

— А есть разница?

— Конечно, — Лян Чэнь выпрямился. — Приятно ведь смотреть на того, кто тебе симпатичен.

— То есть вы хотите, чтобы я... — Цзянь И вдруг рассмеялся. — Вы это к тому, что вы тоже ничего? Красавчик, значит?

— Мог бы и не озвучивать, — хмыкнул Лян Чэнь. — Но за комплимент спасибо.

— Не за что, я этого не говорил, — отрезал Цзянь И.

— Не говорил, но после моих слов продолжаешь на меня смотреть, — парировал врач. — Классическое «нет» на словах и «да» во взгляде.

Цзянь И уже открыл рот для возражения, но в этот момент в животе Лян Чэня громко и отчетливо заурчало.

— Ох, беда... — Лян Чэнь отпил воды и сконфуженно потер живот. — Извини, я сегодня без обеда.

— Мои руки настолько противные? — внезапно спросил Цзянь И.

— Что? — Лян Чэнь опешил.

— Что «что»? Вы же сами утром сказали, что если я буду тереть ладони, вы есть не сможете.

Лян Чэнь вспомнил свою утреннюю шутку. Он прикрыл рот рукой, сдерживая смех, а затем серьезно произнес:

— Похоже, твои «часы» встали окончательно. Мы с тобой никак в один ритм не попадем.

Цзянь И сухо усмехнулся, но тут же посерьезнел:

— Почему врачам можно не есть, а от пациентов требуют это в обязательном порядке?

— Хороший вопрос, — кивнул Лян Чэнь. — Слушай, Цзянь И, я не поел не потому, что не хотел. Мне нужно было «сделать уроки» — изучить ваши дела. Иначе я бы не смог сейчас здесь сидеть, не смог бы помогать коллегам. Зачем бы я тогда вообще сюда пришел? А у тебя всё иначе. Ты не ешь не из-за занятости и не ради других. Тебе просто не хочется. Поэтому мне — можно, а тебе — нельзя. Уловил логику?

Лян Чэнь с улыбкой указал на его левое запястье.

— Проверь-ка свои часы, пациента еще можно спасти?

Цзянь И по инерции глянул на руку и, осознав, как глупо это выглядит, раздраженно вскинулся:

— Я всё понял. Доктор Лян, давайте ближе к делу.

— К какому делу? — не понял Лян Чэнь. — У нас что, есть утвержденный план бесед?

— Нет. Я о том, почему вы до сих пор не спросили, как я спал, как ел и как себя чувствую. — Цзянь И указал на папку за спиной врача. — Вам же нужно туда что-то записывать.

— А, ты об этом... — Лян Чэнь мельком глянул на историю болезни и отбросил её в сторону. Сложив руки на груди, он в упор посмотрел на парня. — Ну, валяй. Излагай свои заготовленные реплики. Не пропадать же трудам.

— Думаете, я лгу? — Цзянь И вскинул бровь.

— Нет, — Лян Чэнь снова подался вперед. — Просто это бессмысленно. Знаешь, почему я настаиваю на контакте глаз? «Глаза — зеркало души» — это не пустая фраза. Я не знаю, как ты общался с другими врачами, и не берусь их судить. Но сейчас, глядя на тебя, я могу поклясться: всё, что ты собирался мне выдать, не было бы правдой ни на йоту. Так зачем время тратить?

— Доктор Лян, — Цзянь И отвел взгляд в сторону, — помните ту утреннюю сделку? Вы обещали выполнить любую просьбу. Вы же человек слова?

— Разумеется. Я жду твоего желания.

— Отлично. Моё желание: не заставляйте меня смотреть вам в глаза. Мне это неприятно, я к этому не привык. Если вам так хочется слышать, что вы красавец — я буду это говорить. Но не требуйте, чтобы я на вас пялился. Иначе больше не приходите ко мне, нам не о чем разговаривать. В конце концов, вы здесь просто отработываете зарплату. Вот и идите к другим.

Он встал и направился к выходу.

— Цзянь И, — окликнул его Лян Чэнь. — По рукам.

Парень медленно сел обратно. Теперь он сидел, уставившись в пол, и хранил угрюмое молчание.

Лян Чэнь разочарованно покачал головой:

— Знаешь, ты мог просто попросить. Не стоило тратить на это единственный шанс.

— Плевать. Шансы в моей жизни всё равно ничего не решают, — буркнул Цзянь И.

— Цзянь И? — внезапно позвал Лян Чэнь.

Тот на автомате вскинул голову и вопросительно уставился на врача. Лян Чэнь сделал глоток воды, пряча улыбку за кружкой, а затем снова стал серьезным.

— Хорошо, я принимаю твое условие. Но у меня тоже есть требование. Отныне каждое твое слово должно быть правдой. Если не хочешь говорить — молчи. Но если открыл рот — не лги. Никто в этом мире не любит ложь. А для врача анализировать болезнь по вранью — это не просто бессмысленно, это оскорбительно. Ты можешь наплевать на себя, но мы не можем плевать на свою работу и на наших пациентов. Понимаешь?

Цзянь И замялся и робко спросил:

— Доктор Лян, вы сердитесь?

— Не то чтобы сержусь, но я расстроен. — Лян Чэнь склонил голову, не сводя с него глаз.

Цзянь И криво усмехнулся:

— Забавно. Вы первый врач, который признается пациенту, что тот его расстроил.

— Твоими молитвами, юноша. — Лян Чэнь откашлялся. — Эх, придется мне сегодня за ужином съесть в два раза больше, чтобы настроение поправить.

— Простите, — вдруг испуганно выпалил Цзянь И. — Простите, доктор Лян, я не со зла. Пожалуйста... только не говорите об этом остальным врачам. Ладно?

— Ох, и тесно же у тебя внутри, — вздохнул Лян Чэнь. — Послушный мальчик, бунтарь, трус — все в одном теле столпились, самим-то не тесно? Ладно, не бойся, я не доносчик. Но впредь — не ври мне. Пойми, я врач, и получать деньги за работу — это нормально, мне тоже нужно на что-то жить, верно? Но даже если я уйду отсюда и перестану получать твою плату, мы всё равно останемся знакомыми. Я был твоим врачом, и если у тебя возникнет проблема — я всегда помогу советом. Не думай, что все люди вокруг — ледяные глыбы. И, открою тебе секрет: за стажировку мне вообще не платят. Я здесь, считай, на волонтерских началах. И если следовать твоей логике, я должен был бросить тебя еще утром и пойти домой обедать.

Цзянь И долго смотрел на него в полном оцепенении, а потом вдруг прыснул:

— Доктор Лян, ваши часы тоже безбожно врут.

— А? Да уж, — Лян Чэнь опустил взгляд и притворился, что подкручивает колесико на часах. — Это от тебя заразился.

— Доктор Лян, вы когда-нибудь уйдете отсюда? — неожиданно спросил Цзянь И.

— Кто знает. Я еще не закончил учебу, пока я здесь только на практике.

— Вот оно что... — Цзянь И понурил голову.

— Что такое? Неужели влюбился и боишься расставания? — Лян Чэнь шутливо прищурился.

— Доктор Лян, — Цзянь И указал в окно. — Выйдите из корпуса, пройдите мимо клумб, поверните направо, и через двести метров будет амбулатория. Сходите туда, запишитесь к психиатру. Срочно.

Лян Чэнь расхохотался:

— Что, подозреваешь у меня эротоманию?

— Не подозреваю, а ставлю диагноз.

— Ладно, мир, — Лян Чэнь сверился со временем. — У нас осталось меньше часа. Если хочешь

— можешь идти отдыхать. А если нет — посиди здесь, порисуй. Мне нужно доделать «уроки» и составить отчет о твоём состоянии за сегодня.

Цзянь И замер.

— Откуда вы знаете, что я рисую?

— Секрет, — Лян Чэнь приложил палец к губам. — Расскажу, только если обменяешь его на тот свой обеденный секрет.

— Похоже, вы на этих сделках помешались. Шли бы вы в бизнесмены, доктор, а то только прибыль теряете, — Цзянь И хмыкнул, но протянул руку. — Дайте бумагу и карандаш. Всё равно не усну, посижу тут. Только одно условие: я люблю рисовать в тишине. Не лезьте ко мне с разговорами.

— Ох, Цзянь И, будь справедлив. — Лян Чэнь протянул ему лист и карандаш. — Я тоже не люблю, когда меня отвлекают от записей. Давай просто поработаем каждый над своим, притворимся, что мы друг для друга — пустое место.

<http://bllate.org/book/17455/1657368>